

— Трос лежит в кузове разведывательной машины, там же установлен гидравлический насос с электронным управлением, — инструктировал Эрвин. — Подгонишь разведывательную машину метров на десять к расселине,крепишь её анкерами на грунте, а потом спускайся на страховочном тросе. Твой биочип ориентируется по чертежам и поможет спуститься прямо к геотермальному приёмнику. Как только закончишь с ремонтом, запустишь подъёмник с пульта, и машина вытащит тебя наверх. Глубина провала тут под километр, но приёмник расположен всего в пятидесяти метрах от края. Жизни ничего не угрожает... Если, конечно, оборудование исправно.

До последней оговорки Шлиффен держался вполне спокойно.

— Если техника заклинит, я ничем не помогу, — весело добавил Эрвин. — Ну... разве что могу покричать погромче, делая вид, будто на этой планете есть кто-то ещё. Вдруг тебя это утешит?

— Как же я тебя ненавижу! — Шлиффен выбрался из кабины и обошёл машину сзади. Трос действительно лежал там, где и было сказано.

— За что это?

— Сам прекрасно знаешь. Я ведь всё равно туда полезу. Альфа никогда не сдрейфит перед омегой. Ни за что. — Шлиффен натянул страховочную сбрую, сверяясь с голографической схемой.

В кабине Эрвин тихонько рассмеялся, и этот смех становился всё громче.

— И что тут смешного? — Шлиффен вернулся к разведывательной машине, уже полностью экипированный.

В термозащитном скафандре любой человек казался бесформенным мешком, а уж рослый альфа и вовсе выглядел как гигантский надувной шар.

— Привет, пухляш. Я просто пошутил.

— А? — Шлиффен натянул гермошлем, не успев настроить аудиосвязь. — Что? Плохо слышно.

— Пульт управления приёмником находится снаружи долины, — весело пояснил Эрвин, глядя на нелепую ярко-оранжевую фигуру. — Вон там, метрах в пятидесяти слева, бетонный постамент. Нужно просто подойти и починить его на месте.

— Что? Что ты говоришь? — Похоже, со связью у Шлиффена действительно возникли проблемы. Он зафиксировал разведывательную машину, вытянул страховочный трос и добавил: — Я настроил гидравлику. Всё, прыгаю!

— Эй!

— Что ты сказал? — Шлиффен уже шагнул к самому обрыву.

— Я говорю, это шутка! Приёмник снаружи! Назад!

Похоже, этот идиот действительно ничего не слышал. Эрвин заворожённо смотрел, как оранжевое чучело вышагивает к пропасти.

— Эй! Стой! — Он лихорадочно оглядел кабину, но не нашёл ничего, что могло бы помочь. Эрвин не мог даже шевельнуть пальцем, не то что нажать на кнопку. Оставалось только надирать горло: — Вернись! Шлиффен! Стой!

Альфа замер на самом краю обрыва, широко раскинул руки, словно крылья, и обернулся:

— Эй, Эрвин! Отсюда потрясающий вид! Я прыгаю!

— Стой!!!

Шлиффен присел, приготовился толкнуться... и вдруг резко развернулся на пятках:

— Динамик работает отлично, я всё прекрасно слышал! Пятьдесят метров, бетонный постамент. Ну и шуточки у тебя! Ха-ха-ха!

—...

— И я слышал, как ты обозвал меня пухляшом.

— Прекрати!

— Да у тебя же голос дрожит!

— Это просто помехи в сети!

— «Алло-алло, это Эрвин, великий учёный, который слишком много думает! Я мнил себя гением, но только что попался на дешёвую удочку. Признаю, господин Шлиффен был прав — я просто глупыш».

Неуклюже подпрыгивая в громоздком скафандре, Шлиффен дурачился у самого края обрыва. Эрвин в этот момент искренне пожалел, что тот не оступился и не улетел вниз по-настоящему.

Однако Шлиффен, целый и невредимый, весело прискакал обратно. Стянув шлем, он утёр пот со лба:

— Тсс, ни слова! Принимаются только комплименты.

— Ладно, буду молчать.

Шлиффен стянул тяжёлый скафандр и уложил его в багажный отсек:

— А если бы я действительно сиганул вниз, ты бы плакал обо мне?

— Наверное. Слёзы омеги ничего не стоят, я над любой мелодрамой могу разрыдаться.

— Что ж, меня устроит и такой ответ, — удовлетворённо хмыкнул альфа.

— Не обольщайся. Если бы ты прыгнул, я плакал бы исключительно от осознания того, какой ты кретин.

Шлиффен расстегнул ремни безопасности и бережно поднял Эрвина на руки:

— И где этот твой постамент?

— Слева. Да, иди прямо. Видишь?

— Знаешь, как называется этот захват?

—?

Шлиффен посмотрел ему в глаза:

— Это когда носят на руках принцесс.

— Прекрасно, — фыркнул Эрвин. — Мы пришли. Можешь спустить свою принцессу на землю.

— Как скажете, господин учёный. Но отныне я буду называть эту позу «объятиями для глупышей».

Шлиффен усадил его на камни, устроив поудобнее.

Ярко-оранжевый бетонный постамент выделялся на сером фоне издалека. Вытащив отвёртку, Шлиффен поддел защитную панель, обнажая плату контроллера.

— Видимо, во время толчка слетело кольцо температурного датчика. Геотермальный поток здесь нестабилен, так что перед подключением замерь температуру, иначе сожжёшь всю сеть мониторинга, — давал указания Эрвин.

— Ага, — Шлиффен активировал биочип, и перед глазами всплыли интерактивные подсказки.
— Разберусь.

— Раз разберёшься, зачем нужно было тащить меня сюда на руках?

Шлиффен, зажав отвёртку в зубах, возился с датчиком температуры. Оборудование было древним, он такого и в глаза не видел, но базовые принципы везде одинаковы. Сверившись с чертежом, он разогнал сенсорное кольцо и принялся за починку.

— Когда я стоял там, на краю... — глухо заговорил Шлиффен через плечо, — мне действительно показалось, что здесь чертовски красиво. Захотелось, чтобы ты тоже это увидел.

— Я проработал здесь столько лет. Тут нет ничего, чего бы я не видел.

Шлиффен пропустил его ворчание мимо ушей:

— И что ты почувствовал, когда впервые оказался здесь?

Эрвин поднял глаза к тёмному небу, усыпанному колкими искрами звёзд — точно такому же, каким он увидел его больше шестидесяти лет назад.

— Звёзды. Я почувствовал... так много звёзд.

«Какая корявая фраза, — подумал Шлиффен. — Стилистику и словесность наш великий учёный явно прогуливал так же усердно, как и уроки прекрасного»

— Я как-то раз бывал на Титане, — заговорил Шлиффен, чей словесный багаж был куда богаче.
— Нас возили туда со школьной экскурсией. Помню, помимо скучных музеев, мы ходили в огромный торговый центр под куполом. «Парк Звёздного Неба», кажется. Там над головой раскидывалась точно такая же бездна — бесконечная, чистая, усыпанная звёздной пылью. А под ногами шумел «пряничный город», от которого веяло теплом и сладостью. Сегодня я почему-то вспомнил его. Словно два одинаковых мира, застывших в полудрёме.

Эрвин знал этот торговый комплекс. Но он побывал там в зрелом возрасте, и ничего волшебного в нём не разглядел.

— Туда уже не вернуться.

Эрвин удивился:

— Разве Титан так уж далёк от Освальда?

— Я говорю о времени, чудак! — Шлиффен закатил глаза. — Ты точь-в-точь как это сенсорное кольцо: безумно сложный и совершенно невыносимый!

Эрвин не стал спорить. Он снова перевёл взгляд на чистое, прозрачное небо.

— Иногда мне тоже хочется побыть поэтом.

Ему тоже порой казалось, что этот мир прекрасен.

Закрепив отремонтированный датчик, Шлиффен запустил систему. Голограмма подтвердила: отопление на станции мониторинга восстановлено. Он погасил дисплей, присел перед Эрвином и заглянул ему в лицо:

— И как? В твоих глазах я похож на поэта?

Эрвин смерил его прохладным взглядом:

— Разве что на автора дурацких частушек.

— Ты ещё пожалеешь об этих словах, — Шлиффен снова подхватил его своими «объятиями для глупышек». — Даю слово!

Эрвин, разумеется, пропустил эту угрозу мимо ушей.

Ветер — это просто поток воздуха. Когда он силён, его трудно не замерить. Но когда он едва колыхнется, в этом мягком движении сквозь пальцы сквозит какое-то ленивое пренебрежение. Слова, брошенные мимоходом, часто уподобляются именно такому ветерку — шуршат у самого уха и тут же исчезают без следа.

Вице-председатель Анни Шуберт вернулась из резиденции президента усталой и увешанной пакетами с готовой едой из круглосуточного супермаркета. Судя по всему, предупреждения капитана Галина она восприняла как раз в духе того самого неощутимого ветерка. Мало того что она накупила полуфабрикатов, так ещё и ввалилась в дом, на ходу втягивая через трубочку

медовое молоко, которое при этом шумно и противно хлюпало на дне стакана.

Обнаружив в прихожей Галина в забавном цветастом фартуке, она на секунду застыла. О существовании незваного гостя она напрочь забыла.

— Ты ещё здесь? — спросила Анни.

— Ну надо же! — Галин ловким движением выхватил у неё пакеты и стаканчик и точным броском отправил всё это в урну. Створка утилизатора с тихим щелчком поглотила добычу — капитан явно успел перенастроить домашний мусоропровод под свои нужды, и отходы мгновенно улетели в центральный коллектор здания.

—...

— Не переживай, — невозмутимо утешил её Галин. — Их переработают в органические удобрения. Зелёные насаждения Титана передадут тебе огромное спасибо за этот скромный вклад. Проходи давай. Как прошла встреча с президентом? Я тут печенье испёк, на сахарозаменителе.

Этот сладковатый аромат немного смягчил её раздражение.

— Встречи с ним никогда не бывают простыми, — Анни принялась рыться в холодильнике в поисках сливок.

— С чего бы господину президенту притеснять целого капитана? Вы для него — лишь безликий строй на параде, отдающий честь. Вряд ли он станет останавливаться перед каждым солдатом, чтобы спросить: «Эй, служивый, а ну-ка поведай, что ты думаешь о нашем драгоценном маршале Йоханнесе Зекте?» — Галин выкладывал на тарелки горячую закуску — тушёный в томате нут и ароматные лепёшки с укропом.

Не найдя ни сливок, ни джема, Анни со вздохом захлопнула дверцу холодильника.

— Сколько моих продуктов ты умудрился выбросить?

— О, я вижу, кто-то затаил лютую обиду! — Галин подтолкнул её к столу. — Что там с твоим отчётом? Ты ведь строчила его всю ночь. Надеюсь, получилось захватывающе?

— Мой бывший научный руководитель, профессор Эрвин Герман, умудрился свернуть Большую чёрную дыру. Из-за этого всё снабжение передовых частей полетело к чертям. Капитан Галин, будь вы на месте президента, вас бы не это волновало в первую очередь?

— К сожалению, я не президент, — Галин налил ей полный стакан тёмно-красного сока. —

Держи, гранатовый. Полезно для цвета лица моей маленькой девочки.

Анни тяжело вздохнула:

— Президента интересуют исключительно сплетни вокруг моего наставника. Он убеждён, что каждый, кто приближался к Эрвину, состоял с ним в связи. Планк, Йоханнес... Он разве что меня в этот список ещё не внёс.

— Ну, как ни крути, Эрвин — весьма притягательный омега.

— Ты его просто не видел, — Анни сделала глоток и поморщилась: гранатовый сок казался ей форменной гадостью. — В нём нет абсолютно ничего притягательного. В этой голове нет места ничему, кроме его формул и графиков. Да если ты перед ним догола раздеться вздумаешь, он даже бровью не поведёт, капитан.

— Когда ты о нём говоришь, у тебя самой лицо становится точь-в-точь как у базарной сплетницы, — Галин плеснул немного сока в свой бокал с шампанским, наблюдая, как игристая влага окрашивается в тревожный багровый цвет.

Тут Анни вспомнила о делах:

— Ладно, доедай без меня, — она отсыпала в бумажный пакет немного диетического печенья.
— Раз уж ты решил тут обосноваться, сделай милость — покорми рыб. Мне нужно возвращаться в офис.

Галин округлил глаза от удивления:

— Покормить рыб — это вот эту кнопку нажать? — Он подошёл к аквариуму и ткнул пальцем в панель автокормушки. Стайка ярко-красных попугаев тут же бросилась к поверхности, шумно деля корм.

— Да, один раз в день. Если я задержусь, просто нажми её. — Анни подхватила с дивана своё пальто. — Ночевать буду в кабинете, так что располагайся.

— Погоди-погоди, рыбок я уже покормил, — Галин преградил ей путь. — Я поеду с тобой.

— Зачем это? — недоумённо прищурилась она.

— Ну как же. Я ведь твой телохранитель, — отшутился капитан.

Время близилось к ужину, и на улицах было относительно просторно. Машина Анни плавно влилась в транспортный поток городской магистрали. За стёклами замелькали яркие голографические панели, навязчиво проецируя рекламу прямо на лобовое стекло.

— Терпеть не могу этот рекламный хаос. Как ты только живёшь в таком шуме? — проворчал Галин, вытирая всплывающие окна на приборной панели вручную.

— Не люблю пустоту и тишину, — пожала плечами Анни, не отвлекаясь от дороги.

Поскольку реклама лезла из всех щелей, Галин вскоре бросил это бесполезное занятие.

— Твой отчёт ведь уже готов. К чему такая спешка среди ночи?

Разговор снова вернулся к наболевшему.

— Коллапс Большой чёрной дыры ударит по всем сферам жизни. На сегодняшний день это единственная стабильная межзвёздная магистраль. То, что Эрвин уничтожил её, пугает меня до усрачки.

— Чего именно ты боишься?

— Я боюсь, что он сделал это не ради мести. Я боюсь, что им по-прежнему движет холодный, чистый научный интерес, и он просто ставит очередной эксперимент для подтверждения своей теории. Ты ведь пытался разгадать его мотивы? Помнишь, говорил, что он должен ненавидеть меня... Обычный человек, наверное, возненавидел бы. — Анни на мгновение перевела взгляд на Галина. — Но для него мы все — лишь подопытные муравьи. Мы не заслуживаем ни его любви, ни его ненависти. Мы просто часть его масштабного расчёта.

— И что это за расчёт? — Галин невольно опустил руки, забыв про мерцающий экран.

— Он мечтает повернуть вспять технологию генетической модификации и вернуть человечество к первозданному виду. По его мнению, эволюционный скачок невозможен без жертв. Без колоссальных потерь. И он вовсе не безумный фанатик, Галин. У него на руках безупречные математические выкладки. Если следовать его теории, человечество действительно способно сбросить оковы брэнной плоти и перейти на более высокий уровень существования. Ни я, ни Планк, ни другие светлые умы, знавшие об этом проекте, так и не смогли найти слабое место в его расчётах. И теперь, когда он запечатал Большую чёрную дыру, его цель ясна: он изолировал наш сектор, превратив его в закрытый чан для своего эксперимента. До ближайшей стабильной червоточины — семь световых лет. Корабль на варп-двигателе будет тащиться туда два года. Два года, Галин... За это время он камня на камне не оставит от нашей цивилизации.

Галин краем уха слышал об этих безумных теориях, но, как и большинство военных, не верил,

что один-единственный человек способен повернуть катастрофу такого масштаба.

Поэтому он спросил о том, что показалось ему действительно важным:

— Если его выкладки верны... почему вы все так отчаянно пытались ему помешать?

Анни повернула к нему голову, на секунду лишившись дара речи.

И в это самое мгновение из бокового съезда наперерез им вылетел тяжёлый внедорожник. Прежде чем Анни успела сообразить, что происходит, Галин рванулся вперёд и мёртвой хваткой прижал её голову к своей груди, закрывая своим телом.

Оглушительный скрежет разрываемого металла разорвал тишину. Машину закрутило в бешеном вихре, швыряя из стороны в сторону, пока со страшным ударом не перевернуло на крышу.

— Галин?.. — едва слышно прошептала она, перед тем как окончательно провалиться в бездонную темноту.

<http://bllate.org/book/18311/1756275>